

О КАРАМЫШЕВЕ Г. Н. — ПЕШКОВА Е. П.

КАРАМЫШЕВ Георгий Николаевич. В годы гражданской войны попал в плен, мобилизован в Белую армию, служил на административной должности. После окончания войны работал на заводе, учился на вечернем отделении Технического института. В 1930 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

В октябре 1932 — к Е. П. Пешковой обратилась его жена, Е. А. Карамышева.

<20 октября 1932>

«Екатерина Павловна!

Простите, может быть, я не имею права так обращаться к Вам, а должна более официально или иначе обращаться к Вам с моей просьбой. Но я не понимаю и не знаю, как нужно.

Вы простите меня. Я только знаю, что Вы — та женщина, к которой обращаются с просьбой сотни людей, и Вы, по мере возможности, для каждого найдете отклик. И Ваше имя повторяется с уважением и благодарностью.

И я также в страшном отчаянии и горе прибегаю к Вам и умоляю, выслушайте меня. Я хотела лично поехать к Вам и на коленях просить помочь мне, но ребенок заболел у меня, и прибегаю к письму. Я Вас прошу походатайствовать перед Высшими органами о смягчении участи моего мужа. В заявлении я описываю его вину, жизнь, которую он провел до и после революции. И такое заявление я хочу подать в ЦИК с просьбой о помиловании, т^е е^{сть} о смягчении его участи. А Вас прошу походатайствовать об этом. Я с мужем провела все время от начала революции, и всю его жизнь я знаю, также и его вину. Я была с ним в гражданскую войну, весь ужас войны я переживала с ним, вместе попали в плен, и все происходило, вся жизнь мужа была при мне. Скрывая свое офицерское звание в тот момент, та боязнь за свою жизнь, которой он в тот момент мог лишиться, где расстрел офицера на фронте в такой момент ничего не значил. Я больше на него влияла, боялась, страшно боялась его признания, какие поведут за собой последствия, хотя никакой вины за ним не было, как только его вынужденная служба у белых в чине офицера, хотя на кратковременный срок на административной должности. Страх, подлый страх заставлял скрыть то, чего не следовало. Но я была с ним, больная калека, и бросить меня на произвол, если его даже сошлют, он боялся, а тут я ныла, и так это и произошло. Теперь я Вас прошу, все, что только возможно, сделайте, чтобы смягчить его приговор. Этот приговор ужасен, и он не заслужил его. Я осталась с ребенком без всяких средств к существованию, не имея совершенно родных, инвалид и никогда нигде не служившая, навряд ли смогу прокормить себя и ребенка без помощи мужа. Если бы я хотя знала, что он вредил в чем-нибудь Совет^{ской} власти, я бы не осмелилась Вам писать; но нет, я знаю его и его жизнь, он ни в чем не виноват, кроме того, что я и писала. Кроме Завода и Института, он нигде не бывал все эти годы. Семья, завод и учеба — вот вся его жизнь, и он был доволен, и ничего ему не нужно было, и мы были счастливы. Думая, кончит еще институт, будет работать сов^{етским} инженером, а на прошлое поставили крест. Новая жизнь его интересовала и Наука. И он только своим знанием приносил хотя бы маленькую, но все пользу Совет^{скому} Государ^{ству}. Он не раз говорил, что благодарен Совет^{ской} России, что дала возможность учиться, а учеба для него было все. И как ему страшно тяжело, что не имеет возможности кончить институт, где почти кончал.

Екатерина Павловна, родная, простите за мою дерзость такого обращения, но не в силах я себя сдержать. Я и мой 7-ний сынишка просим Вас помочь нам, сыну — вернуть отца, а мне — мужа. Хотя бы смягчить его участь, сбавить срок его наказания, и дать бы возможность мне с сыном жить с ним, а также и дать ему возможность закончить институт, заочно хотя бы. У меня только надежда на Вас, если надежда рухнет, рухнет, наверно, и моя жизнь. 10 лет мне с моим здоровьем не вынести, и мужа здоровье плохое. Не смотрите на его происхождение, к несчастью, он родился от дворянина и помещика. Буду ждать своей участи.

20/X 1932 г<ода>.

Е. А. Карамышева.

Прилагаю Вам при сем рекомендации от завода о нем. Я очень прошу Вас прислать мне их обратно, так как я хочу их еще послать в ЦИК, и прошу у Вас об этом совета.

Если можно, пришлите мне обратно, это все, что у меня осталось от мужа.
Карамышева.

Прошу очень ответить мне на мое письмо. Я буду ждать каждую секунду ваше письмо»¹.

31 декабря 1932 — юридический отдел Помполита отправил Е. А. Карамышевой сообщение, что заявление о пересмотре дела ее мужа переслано в ОГПУ.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 812. С. 105-106. Автограф.